

Дверь в комнату была открыта.

Сяо Люлань на мгновение замешкался, но потом осторожно постучал.

Гу Цзяо закрыла коробку с лекарствами, подняла голову и спросила: «В чем дело?»

Взгляд Сяо Люланя незаметно скользнул по ее коробке с лекарствами, а затем он с серьезным видом сказал: «Лекарство готово, оно от высокой температуры».

«О». Гу Цзяо отодвинула коробку с лекарствами в сторону и протянула руку, чтобы взять лекарство, которое он ей принес.

Она не любила пить горькие лекарства, но так как он сварил его для нее своими руками, она выпила все до капли.

Она вернула ему чашу с лекарством и сказала: «Спасибо».

Сяо Люлань ответил: «Это было не сложно».

Гу Цзяо посмотрела на его спину и хитро улыбнулась: «Я имела в виду, ведь это ты вчера вечером накладывал мне на спину лекарство».

Спина Сяо Люланя внезапно напряглась.

Проснувшись, Гу Цзяо обнаружила, что ее раны обработаны, в комнате стоял стойкий запах лекарства для ножевых порезов, кроме этого спина была обернута чистым куском ткани.

Старушка никогда бы не смогла проделать эту работу так дотошно.

Сяо Люлань не оборачивался, но он чувствовал, как ее пристальный взгляд уперся в его спину, и он не мог не вспомнить о ее обнаженной спине и ее округлых изгибах тела.

В его молодом и энергичном возрасте видеть такое было настоящим мучением.

У Сяо Люланя на мгновение пересохло в горле. Когда он смог успокоиться, то серьезно ответил: «Это пустяки».

Сказав это, он без промедления вышел с пустой чашей из-под лекарства!

Глядя на его поспешно удаляющуюся фигуру, Гу Цзяо пробормотала: «Похоже, что он много

чего увидел».

Сегодня именно Сюэ Нинсян помогла Гу Цзяо наложить лекарство на рану.

На самом деле дверь в комнату была закрыта, но Сяо Люлань все равно чувствовал себя неловко, глядя на закрытую дверь, поэтому он взял ведро и пошел ко входу в деревню, чтобы принести воды.

В тот момент, когда на рану Гу Цзяо накладывали лекарство, в дверь неожиданно кто-то постучал.

«Пойду посмотрю кто там». Сюэ Нинсян отложила лекарство для ножевых ран, вышла из комнаты Гу Цзяо и закрыла за собой дверь. Затем она прошла в главный зал, открыла входную дверь и посмотрела на стоящего перед ней мужчину средних лет, очень элегантной наружности.

Она спросила: «Кто вы?»

Дин Ли улыбнулся и ответил: «Я декан академии Тяньсян. Моя фамилия Ли. Это дом Сяо Люланя?»

Услышав, что это кто-то из того места, где учился Сяо Люлань, Сюэ Нинсян вежливо ответила: «Так это господин декан. Вы ищете Люланя? Он пошел за водой! А? Вы же, наверное, шли от входа в деревню, разве вы не столкнулись с ним?»

Карета Дин Ли остановилась у входа в деревню, а сам он дошел сюда пешком. Но поскольку уже стемнело, он не смотрел особого по сторонам.

Тогда Сюэ Нинсян сказала: «Подождите минутку, я пойду и поищу его!»

Дин Ли внезапно остановил ее: «Это ... пожалуйста, скажите, дома ли девушка Цзяо?»

Сюэ Нинсян наклонила голову: «Да?»

Гу Цзяо пригласила Дина Ли в главный зал и налила ему чашку только что заваренного травяного чая.

В последние дни маленький Цзин Кун страдал от избытка внутреннего жара*, поэтому Гу Цзяо взяла ранее купленные ею растения хауттуйнии сердцевидной. Это растение обладало противовоспалительным и противовирусным свойством.

Она каждый день заваривала эту траву и давала выпить маленькому Цзин Куну.

Дин Ли никогда раньше не пробовал такого плохого чая, но он все равно выпил большую чашу, крепко держа ее в руке.

Увидев, что ему понравилось, Гу Цзяо налила ему еще одну большую чашку.

Дин Ли был ошеломлен ее щедростью: «...»

Подливая в чашу гостя чай три раза подряд, Гу Цзяо, снова взяв в руки чайник, вдруг обнаружила: «Хм? Закончился».

Дин Ли, которого уже чуть ли не тошнило, возблагодарил Всевышнего: Слава Богу, наконец-то, он закончился!

Гу Цзяо вежливо спросила: «Что-то заставило декана специально посетить меня сегодня?»

«Ты много раз навещала мою мать, но я еще ни разу не отблагодарил тебя должным образом», - сказал Дин Ли, передавая сверток в руки Гу Цзяо. «Персиковое дерево на заднем дворе принесло плоды, мама попросила меня обязательно принести тебе немного».

Гу Цзяо взяла сверток: «Пожалуйста, передайте мою благодарность старой мадам».

Дин Ли мягко сказал: «Моя мать настолько стара, что иногда даже не помнит, сколько у нее сыновей, но она всегда помнит о тебе».

«Сколько у нее сыновей?» - Гу Цзяо с любопытством посмотрела на него.

«А?» Дин Ли случайно проболтался о своей семье. Он криво улыбнулся: «У меня четыре старших брата, моя мать была уже немолода, когда родила меня».

Неудивительно, что Дину Ли было меньше сорока, а старая мадам Ли была уже в преклонном возрасте.

«Старшие братья находятся в столице, и мы не виделись уже много лет». Кроме этого, Дин Ли больше ничего не сказал.

Гу Цзяо также не стала расспрашивать.

Дин Ли продолжил: «Есть еще одна вещь, из-за которой я пришел сегодня, это Люлань».

Гу Цзяо: «Что случилось с моим мужем?»

Декан Ли: «Я уверен, что ты уже слышала о его экзаменах, на которых он получил звание линьшэн, но есть еще одна вещь, о которой ты не знаешь - у него был шанс стать кандидатом, получившим подряд три первых места, но кто-то подкупил экзаменатора, чтобы тот заменил его экзаменационную работу на чистый лист во втором туре».

Глаза Гу Цзяо стали холодными.

Подумать только, что некоторые люди также прибегали к жульничеству на экзамене даже в этом древнем экзаменационном зале.

Затем декан Ли продолжил: «В таких случаях положено пересдать экзамен, однако причина, по которой он не сделал этого, мне не до конца ясна, возможно, он сам не захотел этой пересдачи, а возможно, вмешался начальник провинции».

Его бывший студент работал в экзаменационном зале провинции Пинчэн, и от него он смог узнать лишь малую толику информации об этом деле.

Дин Ли спросил: «Он говорил тебе что-нибудь об этом?»

Гу Цзяо покачала головой: «Нет».

«Это неудивительно, учитывая его характер. Он всегда прячет все в своем сердце», - сказал Дин Ли. «Я спросил его об этом, когда он вернулся в академию, но он мне ничего не ответил. На самом деле, нет ничего страшного в том, что он не получил три первых места подряд. Важно, что он успешно выдержал экзамен и получил первую ученую степень сюцай, теперь у него есть возможность участвовать в провинциальном экзамене на получение второй ученой степени цзюйжэнь, отсюда все начинается».

Гу Цзяо: «Но?»

По тому, как он говорил, можно было предположить, что здесь есть какое-то "но".

Дин Ли тяжело вздохнул: «Кажется, он не очень хочет ехать на экзамен в столицу».

Немного подумав, он поправил себя: «Нет, не так, дело в том, что сначала он никак не отреагировал, когда я упомянул о провинциальном экзамене на вторую ученую степень цзюйжэнь, но стоило мне упомянуть, что после его сдачи следующим будет императорский экзамен в столице, он заметно погрузнел. Я не знаю, так ли это, но я думаю, что причина, по которой он до этого отказывался серьезно заниматься, как раз в том, что он не хотел ехать в столицу сдавать экзамен».

Так он не хотел ехать в столицу?

Гу Цзяо потерла подбородок, глубоко задумавшись.

Дин Ли пришел к Гу Цзяо, чтобы узнать больше о ситуации, но результат оказался не слишком плодотворным, и ему ничего не оставалось, как вернуться.

Он не хотел, чтобы талант Сяо Люланя пропадал впустую в маленькой деревне.

По дороге к выходу из деревни, задумавшись, Дин Ли внезапно столкнулся во дворе с Гоу Данем.

Последний как раз катился со стога сена, и ему несказанно повезло, что он натолкнулся на декана, это заставило его вовремя остановиться, иначе он бы скатился кубарем прямо в грязную лужу.

Дин Ли поспешно поднял малыша с земли, отряхнул от пыли его одежду и спросил: «Ты в порядке? Не ушибся?»

Гоу Дань посмотрел на него широко раскрытыми темными глазами.

Он ошарашенно смотрел на Дина Ли, пуская слюни, и вдруг открыл рот и воскликнул: «Папа!»

Дин Ли потрясенно замер!

Сюэ Нинсян, которая в этот момент случайно вышла во двор, тоже была потрясена!

Гоу Дань был в том возрасте, когда он только учился говорить. Когда он видел женщину, то называл ее мамой, но он еще никогда не говорил слово папа, ведь у него его не было.

Сюэ Нинсян была так смущена, что хотела найти яму, чтобы закопать в ней его и себя!

Она быстро подошла к сыну и взяла его на руки, сказав: «Извините, он еще слишком мал, пожалуйста, не обижайтесь».

Дин Ли с улыбкой ответил: «А, все в порядке».

Сюэ Нинсян поспешно унесла Гоу Даня, но неожиданно последний повернул голову и снова крикнул Дину Ли: «Папа».

Сюэ Нинсян было так стыдно, что она готова была расплакаться.

Милый, не говоря уже о том, что твой отец мертв, даже если это было бы не так, он никак не мог быть деканом Ли!

Кто он и кто такие мы?

Откуда у тебя эта способность слепо признавать отца?

Даже, если тебя называли собакой**, не можешь же ты опознать его по запаху!

Сюэ Нинсян обняла сына и убежала в дом, закрыла дверь и задвинула засов. Она сделала все это одним рывком!

Дин Ли забавно покачал головой.

Папа?

Он боялся, что никогда в жизни не станет отцом.

После того как Сюэ Нинсян принесла сына, она положила его на кровать и серьезно сказала: «Гоу Дань, у тебя нет папы».

Гоу Дань: «Папа».

Сюэ Нинсян: «Нет папы!»

Гоу Дань: «Папа».

Сюэ Нинсян: «Я же сказала, что у тебя нет папы! Не называй его папой! Не надо!»

Гоу Дань слез с кровати: «Папа».

Сюэ Нинсян разозлилась на своего сына!

Если ты еще раз слепо назовешь кого-то другого своим папой, то тебе будет стыдно в будущем посещать могилу своего отца!!!

Сюэ Нинсян так рассердилась, что встряхнула подушку, отчего из нее выпал твердый предмет

и с грохотом ударился о скамейку.

Она подняла предмет. Сначала ей было трудно вспомнить, что это такое, она долго размышляла, прежде чем нахмуриться: «А? Разве это не ...»

Примечание:

* - страдать от избытка внутреннего жара – простудиться;

** - Фамилия Гоу – с кит. собака.

Перевод: Флоренс

<http://tl.rulate.ru/book/63867/2030219>